

DOI 10.47649/vau.2020.v59.i4.06

МРНТИ 16.31.41

УДК81'25

Ж.Е.Кенжебаева¹

¹Атырауский университет им.Х.Досмухамедова
г.Атырау, Республика Казахстан
kenzhebayevazharkyn@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ ПРИ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена анализу употребления лексемы *степь* в русских переводах казахской художественной прозы. Цель исследования состоит в обосновании того, что данная лексема в анализируемых текстах является семантической калькой казахской лексемы *дала*.

В лингвистической литературе имеются многочисленные труды по теории калькирования, в том числе такой его разновидности, как семантическое калькирование, а также по калькированию как одному из способов, широко применяемому в переводческой практике. Существуют отдельные исследования, посвященные исследованию взаимодействия языков в художественном тексте. Однако исследования статуса лексемы *степь* на материале русских переводов казахской художественной прозы отсутствуют.

В статье на основе применения метода компонентного (семемного и семного) анализа показано, что под влиянием казахского языка русская лексема *степь* в текстах русских переводов казахской художественной прозы приобретает несвойственные ей семемы, наличествующие у казахской лексемы *дала*, эквивалентом которой лексема *степь* выступает в русском переводе. Указаны дополнительные факторы, подтверждающие факт семантического калькирования при переводе. Приводятся примеры актуализации различных сем анализируемой лексемы. Полученные результаты вскрывают различия в употреблении лексемы *степь* в произведениях выдающихся представителей русской литературы (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Некрасов, Кольцов, Толстой, Чехов, Бунин, Шолохов) и в русских переводах казахской прозы, а также в оригинальных русскоязычных произведениях на казахскую тематику.

Ключевые слова: художественный перевод, взаимодействие казахского и русского языков, семантическая калька.

Введение

Проблема калькирования в настоящее время продолжает представлять существенный интерес для исследователей-лингвистов. Не последнюю роль в этом играет дискуссионность некоторых вопросов теории калькирования.

У исследователей нет единого мнения по поводу того, какова сущностная природа калек: для одних это разновидность заимствований, для других – нечто противоположное заимствованиям, для третьих – не что иное, как буквальный перевод.

Актуальность изучения явления калькирования обусловлена значительной активизацией калькирования в XXI веке [1, с. 10] и усилением роли калькирования в жизни современных языков [2, с. 129].

Полиязычие, характерное для современного общества, создает большие возможности для появления калек. «Калька всегда основывается на билингвизме», – отмечает С.А.Прямухина [3, с. 109].

Источником калек является речевая практика людей, владеющих, как минимум двумя языками. Одной из категорий такой группы билингвов являются переводчики, в том числе переводчики художественных произведений.

В настоящей статье мы рассматриваем явление семантического калькирования в

процессе перевода на русский язык произведений казахской художественной прозы.

Анализ

Процесс приобретения лексическими единицами одного языка дополнительного значения под влиянием другого языка (в результате языковых контактов) в лингвистической литературе обозначается разными терминами. Данное явление называют «семантическим калькированием», «семантическим заимствованием», «семантической инклинацией», «заимствованием-сдвигом», «семантической индукцией», а также «семантической имитацией», «семантической контаминацией» и др.

Семантическая калька использует для выражения присущего Я смысла материальные средства Я: новое значение входит составным звеном в смысловую парадигму уже имеющегося в Я.

Среди факторов, предопределяющих выбор в Я лексической единицы, включающей в свою семантическую структуру новое значение, называют семантическую общность, когда чужое слово и свое обладают объединяющими их одинаковыми прямыми номинативными значениями [4, с. 117], фонетическую или семантическую общность [5, с. 103].

Некоторые авторы характеризуют семантическое калькирование как воспроизводство семантики иностранного слова [6, с. 136], между тем как воспроизводится не вся семантика, а недостающие значения.

Выявить семантические кальки бывает сложно в силу того, что значение лексемы Я не является чем-то абсолютно чуждым семантике «усваивающей» его лексемы Я: калькируемое слово, более богатое значениями, «в буквальном смысле «подталкивает» семантически бедное слово к приобретению тех значений, которых у него еще нет, но которые потенциально возможны», и, «поскольку заимствуются лишь потенциально возможные значения, то подчас очень сложно определить, какое из переносных значений возникло в результате чужеродного влияния, а какое - в результате независимой семантической эволюции» [7, с. 91].

Основными признаками семантического калькирования являются: а) исторические события, с которыми связано возникновение новых понятий, выражаемых в заимствующем языке употреблением в новом значении существовавших ранее слов; б) хронологическое предшествование возникновения заимствуемого значения в словепрототипе воздействующего языка; в) семантическое изменение по чужому образцу слов, имеющих смысловое и фонетическое сходство с иноязычными прототипами, при наличии в воспринимающем языке других слов, переносное употребление которых могло бы послужить для выражения новых понятий; г) изменение семантической структуры слов языка-рецептора по иноязычному образцу без заимствования значений, новых для воспринимающего языка [8, с. 8-9].

Семантическое калькирование определяется также как заимствование широкой сочетаемости лексем [9]. При этом круг разнообразных сочетаний, в которые может вступать лексема языка-рецептора, значительно расширяется в результате приобретения ею отсутствующих прежде семем, имеющих у эквивалентной лексемы языка-реципиента.

Семантическое калькирование осуществляет заимствование переносного значения слова [10, с. 211]. Совпадение прямых значений кальки и иноязычного слова-прототипа служит основой для калькирования переносного значения.

Обсуждение результатов

Рассмотрим, как осуществляется этот процесс в русских лексемах под влиянием казахского языка на примере лексемы *степь*.

Разумеется, данная лексема нередко употребляется в переводах и в денотативном статусе, зафиксированном толковыми словарями русского языка. Однако читатель обычно легко понимает, о какой «степи» идет речь в каждом конкретном случае. Ср.:

Онысы, тегі даладан тауып алса керек, әлденеше жерден тығыршығы сөгілген, жағасынан жеңіне дейін тат шалған ескі.

Мағауин. Аласапыран, 84 -

И сдается, кольчугу эту он подобрал где-нибудь в *степи*: в нескольких местах она лопнула, вся покрыта ржавчиной - в общем, старье старьем.

Вешние снега, 111;

- (...) патшаның қай чиновнигі болса да, қазақ даласын жабайы, қараңғы, надандар даласы деп біледі.

Әуезов. Абай. 5, 356 -

- (...) Все эти чиновники считают казахскую *степь* дикой и темной (...)

Путь Абая. 2, 247.

Рассмотрим, как под влиянием казахского языка русская лексема *степь* приобретает новую семему, наличествующую в казахской лексеме *дала*.

Лексема *дала* имеет четыре семемы [11, с. 735]:

1. геогр. Пастбище; луг, сенокос; широкая, обширная, беспредельная, ровная окрестность.
2. Место вне жилых помещений (улица).
3. Сельская местность; (слегка) возвышенная местность с пастбищами, посевными угодьями.
4. Край, территория.

Толковые словари русского языка определяют значение лексемы *степь* следующим образом:

«Степь - безлесная и нередко безводная пустошь на огромном расстоянии, пустыня; безлесье, незаселенный, кочевой простор (киргизская степь); степь как трава, покос; пажить, пастбище, противоплагается лугам» [12.2, с. 322];

«Степь. Безлесное и обычно безводное пространство с ровной поверхностью, покрытое травянистой растительностью. // Устар. Пустыня» [13. 14, с. 850-851];

«Степь – обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата. // Устар. Пустыня» [14. 4, с. 262].

Как видно, отмечаемая всеми словарями русского языка семема 'обширное безлесное и безводное, ровное пространство в зоне сухого климата, покрытое травянистой растительностью' лексемы *степь* совпадает с первой семемой лексемы *дала*.

Второй, третьей и четвертой семем лексемы *дала* у лексемы *степь* в русском языке нет.

Приведем примеры употребления в переводных текстах лексемы *степь* в том значении, в котором она обычно употребляется в русском языке:

Осы сәт шалқар даланы ақ мұнарға құндақтап, күн шығып келе жатқан.

Найманбаев. Таңертеңнен түске дейін, 532 -

Встало солнце, под его утренними нежаркими лучами *степь* порозовела.

Первенец, 266;

Қазақтың кең даласында қала жылқысының да айуандық сезімі қайта оянып, бойы сергіп кетіпті.

Мүсірепов, Ұлпан, 483 –

В городском коне, кажется, *степь* пробудила память о диких предках, и темно-рыжий неся, не касаясь копытами земли.

Улпан ее имя, 385.

Понять лексему *степь* в исконном значении зачастую помогает осуществляющаяся в контексте актуализация различных ядерных или периферийных сем:

а) 'безлюдная':

- Дала ғой... Кім көріп тұр дейсің, - деді ол алдындағы журналдың бетін жауып.

Сүндетов. Күтем сені, Дидар -

- *Степь* ведь... Кто тут увидит? – Сапар захлопнул лежавший на коленях журнал.

Жду тебя, Дидар. 279-280;

«Да, - думал Итжемес, - пусто нынче в *степи*, ни одной человеческой души не встретишь».

Кекильбаев. Плеяды - созвездие надежды, 8

(в оригинале прототип лексемы *степь* отсутствует);

б) 'простор', 'обширное пространство':

- Несін жоғалтыпты бұл кең далада.

Мағауин. Аласапыран, 17 -

- Что потеряли они в этой бескрайней *степи*?

Вешние снега, 22;

с) 'засушливая, знойная':

Бір көрген адам мына сияқты аптапты далада байлап қойсаң шынжырып үзіп қашуға құмбыл екенін жасыра алмас еді, өзі де сол ойдан аулақ емес-ті.

Исабеков. Қарғын, 10 -

На первый взгляд любой человек, хоть привяжи его волосным арканом, не смог бы задержаться в этой жаркой сонной *степи* и сбежал бы, куда глаза глядят, порвав любые путы.

Смятение, 10.

В разных контекстах актуализируются различные семы, среди которых можно отметить, кроме вышеуказанных, такие как 'удобное для битвы', 'место охоты', одновременную актуализацию сем 'ровное', 'простор' и 'со скудной растительностью', 'незаселенное пространство', 'безмолвная' и др.

В переводных текстах часты случаи употребления семемы 'край'. Имеется в виду территория, определенные пределы, где проживали казахи:

Патша тақтан құлаған хабар қазақ даласына тез тарады.

Нұрпейісов. Қан мен тер, 345 -

Весть о свержении царя быстро облетела казахскую *степь*.

Кровь и пот, 315;

Ал даланың өр мінез ұландары жауға қарсы тізе қосып қарсы шыға алмай, жеке-дара, қалың топқа қарсы ұмтылып, қамауға түсіп қан жұтыпты.

Мекебаев. Жадыра, 331 –

А гордые сыновья *степи* не сумели объединиться, пытались биться с врагом поодиночке и потому гибли в неравной битве.

Лебединая печаль, 40.

То, что в переводе имело место семантическое калькирование, зачастую подтверждается употреблением в оригинале не лексемы *дала*, а одной из ее семем ('край, территория, место'), представленной другой лексемой. Это могут быть следующие лексемы:

а) **ел:**

Көп елдерді араладық.

Майлин. Азамат Азаматыч, 82 -

Мы долго разъезжали по *степи*, побывали во многих аулах.

Азамат Азаматыч, 102 –

б) **сақара:**

- Сіз *сахарада* менің де кең әңгімелесетін, жалғыз бір мәжілістесім есебінде қажетсіз, қадірлісіз!

Әуезов. Абай жолы. 4, 352 –

- Ну и великолепно, Ибрагим Кунанбаевич, - обрадовался Лосовский. - Я вам очень рад, ведь вы - единственный мой собеседник здесь, в *степи*!

Путь Абая. 1,1515;

с) **қыр:**

- *Қырда* – қаракөңіл қазақ жуаны боп, қалада - парашыл төре, ұлық жуаны болып, бәрі қосылып Абайды қамағалы тұр!

Әуезов. Абай. 5,363 -

Против Абая нынче объединились все: в *степи* - подлые аткаминеры, в городе- чиновники и любители взяток (...)

Путь Абая. 2, 252;

д) **өңір:**

Сонда да араз адамына дәл бұндай жазаны жасаған кісі бұл өңірде болмаған.

Әуезов. Абай жолы, 225 –

Однако никогда еще не было в степи случая, чтобы кто-нибудь так жестоко наказал своего врага (...).

Путь Абая. 1, 158.

е) **жер:**

Ведь ты хочешь, чтоб в *степь* опять пришли кровавые ханы, а за ними прискакали генералы на белых конях.

Есенберлин. Опасная переправа, 21

(в оригинале: қазақ жеріне),

а также лексемы *өлке*, *аймақ*.

Неслучайно во многих случаях употребления данной семемы приводится определение *қазақ* (қазақ даласы, қазақ жері, қазақ сахарасы), которое воспроизводится в

переводе: степь как географическая зона одна и та же, независимо от того, кто ее населяет, следовательно, это доказательство того, что лексема *степь* в подобных случаях употреблена не в свойственном ей в русском языке значении, а в значении, являющемся для системы русского языка инородным: «казахская степь» - это прежде всего *место*, где живут казахи, край, родина казахов, а то, что место это в «ландшафтном» смысле именно степь, а не горы, равнина и т.п. здесь совершенно неважно: эта основная словарная семема отодвигается на задний план, затушевывается:

Патша әскері бұл көтерілісті аямай басқан кезінде, қазақ даласына қашқан.

Есенберлин. Көшпенділер. 2, 256 -

Карасакал был одним из родовых башкирских вождей, вставших против царицы. Оттесненный регулярными войсками, он ушел в *Казахскую степь* и был принят казахскими родичами.

Кочевники. 2, 184№

Зачастую в переводе используется сочетание *казахская степь* при отсутствии в оригинале определения *қазақ* или всего выражения (*қазақ жері, қазақ даласы*) в целом:

Китайские власти всегда были рады раздувать в *казахской степи* пожары распри и междоусобиц.

Мусрепов. Улпан ее имя, 376;

- Как я попал в *казахскую степь*, вы, судя по вашему чистому русскому выговору, понимаете.

Есенберлин. Кочевники. 3, 186.

Отсутствие в оригинале лексемы *дала* либо других лексем, актуализирующих семему 'край', не мешает переводчикам использовать лексему *степь* в данном значении. Приведем примеры из переводов произведений разных авторов:

Так уж повелось в *степи* еще от дедов наших, что судьбу молодых решали другие.

Сматаев. Чистые воды Карасу, 238;

Сказать, что я мизница ее не стоил, что она была великой женщиной Чингизтау, всей *степи*.

Сейсенбаев. Хобби, милые, хобби, 124;

Похороны уже состоялись. Но когда умирает поэт, известный на всю *степь*, не менее торжественно отмечается и семидневка...

Абишев. Отомсти за меня, 201;

«Уж не грядет ли в *степь* какая-нибудь беда?» - с опасением размышлял Тайлан.

Кекильбаев. Плеяды – созвездие надежды, 24.

Рассмотрим пример:

- Кешірім етеді деген сөздеріне сенбендер! - деді бар дауысымен. – Шыдандар! Берілмендер! Көп кешікпей сендерге жәрдемге Яссы, Сайрам, Отырар, Архұқ... Бүкіл қазақ *даласы* келеді.

Есенберлин. Көшпенділер. 2, 82 -

- Не верьте им! - кричал пленник. – Держитесь, и тогда придут к вам на помощь Яссы, Сайрам, Отырар, Архук... вся *степь* придет!...

Кочевники. 2, 82.

В данном случае перед нами троп, так как имеется в виду не просто край, а люди, живущие в этом краю. Эта семемабылабыпередана в переводе, если бы было сказано, что на помощь оборонявшимся придет население городов Яссы, Сайрам, Отырар, Архука и вообще все жители этого края. Но в переводе сказано: «Вся степь придет!»-то есть значение 'люди, живущие в этом краю, в степи' передано посредством лексемы *степь*, имеющей с лексемой *дала* одну точку соприкосновения, одну общую семему - 'обширное равное пространство. Под влиянием казахского языка в лексеме *степь* устанавливается такая же связь между местом и людьми в этом месте (ср. в русском: *аудитория* как помещение и *аудитория* как совокупность людей в этом помещении, *город* как единица административного деления в противоположность поселку или деревне и *город* как совокупность людей, живущих в нем, ит.п.), какая наблюдается в казахском, и становится возможным употребление несвойственной русскому языку семеме лексемы *степь*.

Это подтверждается тем, что зачастую в оригинале отсутствует лексема *дала* в качестве прототипа употребленной в переводе *степи*, вместо нее могут присутствовать лексемы *ел*, *жұрт*, *қазақ*, *бұқара*, *халық* ит.п.

Приведем примеры употребления семеме 'люди, народ' лексемы *степь* при следующих казахских прототипах:

а) ел:

Тобықты ішінде, Жігітек пен Ырғызбайға аралық жайда отырған елдің барлығы, жер қозғалғандай дүрсілкінді.

Әуезов. Абай. 5,104-

Известие встряхнуло всю *степь*, как ударом землетрясения.

Путь Абая. 2,78;

б)

қазақ:

- Бүйте берсе бар *қазақ* Кенесары туының астына жиналуы мүмкін.

Есенберлин. Көшпенділер. 3,174-

-Есть опасность, что к нему присоединятся многочисленные кипчаки, кочующие по Тургаю, а также роды Младшего жуза с берегов Иргиза, Илека и Эмбы. Если так будет продолжаться, то как бы он и вправду не собрал всю *степь* под свою единую руку!

Кочевники. 3,139;

с)

жұрт:

«Кенегес бар жерде ерегес бар» деп босқа айтпаса керек *жұрт* (...)

Есенберлин. Алтын Орда, 496 -

Недаром в *степи* говорили про них: Где кенегесцы – там ссоры.

Золотая Орда, 528;

д)

халық:

Бүкіл қара *халық* онда Әбілқайырды күлкі етуі даусыз.

Есенберлин. Көшпенділер. 1, 84 -

Вся *степь* будет смеяться над ханом Абулхаиром,
если победит на скачках этот Орак на своем белоногом.

Кочевники. 1, 57;

а также *бұқара, кісілер* и т.п.

Следовательно, мы имеем все сонования считать, что при семантическом калькировании лексема русского языка не только употребляется в новом, отсутствующем у нее в русском языке значении, но в ряде случаев при необходимости повторяет тот же метонимический перенос, какой произошел в значении лексемы-прототипа из казахского языка.

Переводчики охотно используют лексему *степь* для обозначения единства мнений, настроений, при этом значение 'люди, народ, живущий в этом краю', приобретенное лексемой *степь*, совпадает с понятием 'народная масса, однородная в каком либо плане', будь то переживаемые чувства, отношение к каким-нибудь людям (акынам, мудрецам, батырам, правителям), прославившимся своей добротой или, напротив, жестокостью, известность, слава певцов, красавиц, скакунов и т.п.:

Бүкіл *ер-жұрты* ардақтаған Асан өтінішіне хан
қарсы келе алмаған.

Есенберлин. Көшпенділер. 1, 51 -

Даже хан не мог отказать в чем-либо человеку,
которого почитала вся *степь*.

Есенберлин. Кочевники. 1, 39

Такое употребление также имеет место при частом отсутствии в оригинале какой-либо лексемы, содержащей актуальную в этом случае семему 'люди (народ, казахи), живущие здесь (в этом краю)'.
Хозяин так и не ответил - тот ли он Мади, о чьих подвигах знает вся *степь*, чьи песни поет вся *степь*, но Иман уже понял, с кем свела его судьба под сводами мазара в глухую ненастную ночь.

Абишев. Отомсти за меня, 29;

Разве для казахов байга не была испытанием, когда на чашу весов ложилась честь - не одного коня, не одного человека, даже не одного аула, а - случилось - всего народа? ... честь и гордость, достоинство и благородство, мужество и стойкость духа - вот чем была для *степи* во все времена байга!

Магауин. Судьба скакуна, 511.

Подобное употребление обусловлено гораздо большей экспрессивностью лексемы *степь*, намного превосходящей перифразы типа *все люди, все казахи, весь народ*. Это особенно относится к «степи» - субъекту, активно действующей совокупности всех казахов:

Через день-два вся *степь* узнает о том, что он, Курбан, самый богатый и всесильный человек в этом краю, как крикливая баба, сцепился с безродной старухой.

Иманбеков. Последняя охота, 36;

Важно удивить людей на больших сборищах! Чем, кем, как - неважно! Главное - изумить, заставить говорить о себе всю *степь*!

Кекильбаев. Плеяды - созвездие надежды, 21.

Степь в значении 'все казахи' употребляется также для обозначения объекта, на который направлено чье-либо действие:

Хан приказал оповестить всю *степь*, что возвращается со своим войском.

Есенберлин. Кочевники. 2, 41.

В ряде случаев лексема *степь* употреблена в переводе как эквивалент оригинального *Дәшті (Дәшті Қыпшақ)*:

Дәшті Қыпшақ қазір атамыз Қасым хан кезіндегіден де күшті.

Мағауин. Аласапыран, 388 -

Степь сейчас сильнее, чем была при нашем предке Касым-хане.

Вешние снега, 503.

Иногда *Дәшті, Дәшті Қыпшақ* оригинала передается в переводе как *степь Деиш-и-Кипчак* или *Кипчакская степь*:

Бүкіл *Дәшті Қыпшақ*, Қорасанды билеп тұрған Әбілқайырға Оспан-Қожа деген құл кім?

Есенберлин. Көшпенділер. 1, 136 -

Да и что за дело хану всей *степи Деиш-и-Кипчак* до какого-то узника, который был в прошлом его советником?

Кочевники. 1, 100;

Когда зеленоглазый, желтобородый грозный хан наложил руку и на *Кипчакскую степь*, бежавшие отказались от своего прежнего намерения (...)

Мағауин. Вешние снега, 193 -

в оригинале: *Дәштіге* де қол артқан кезде (Аласапыран, 146).

И *степь Деиш-и-Кипчак*, и *Кипчакская степь* могут быть употреблены в переводе и при отсутствии прототипа в оригинале:

Казахи, быстро вынудившие своих завоевателей говорить по-казахски и совершать многочисленные казахские обряды, тем не менее сквозь пальцы глядели до сих пор на то, что султаны-чингизиды не принимают участия в похоронах согласно древнему ритуалу *степи Деиш-и-Кипчак*.

Есенберлин. Кочевники. 1, 80.

Использование в переводе формы *Деиш-и-Кипчак*, употребленной в значениях 'место, край, территория' и 'люди, народ в этом краю', также возможно при отсутствии соответствующего прототипа в оригинале:

Узункулак уже разнес по *Деиш-и-Кипчак* весть о ссоре братьев, и Тюре-бий знал, зачем понадобились воины Джанибеку.

Есенберлин. Золотая Орда, 303;

Пусть разнесет Асан-Кайгы по степи весть о том, что он, Джанибек, выстроил для себя удивительную усыпальницу, равной по красоте которой не знает *Деиш-и-Кипчак*.

Есенберлин. Золотая Орда, 315.

Утверждать, что *степь* в русских переводах является семантической калькой с казахского, зачастую позволяет контекстуальное окружение лексемы, в первую очередь, весьма частотное определение *вся*. Если *степь* в русском языке - 'обширное

пространство...», то очевидно, что вся *степь* - это не степь в «ландшафтном» смысле, поскольку неважно, все ли ее протяжение имеется в виду в том или ином случае. *Вся степь* - это, конечно, «все люди, все казахи, весь народ».

Помимо этого, сочетаемость лексем *вся* и *степь* с глаголами *знать*, *говорить*, *видеть* и т.п., то есть с глаголами активного действия, также свидетельствует в пользу того, что *степь* в окружении этих лексем явно имеет значение «все люди в этом краю, в степи», то есть является семантической калькой:

Если бы султан Аблай покарал этот род только за желание переселиться к родичам, то взволновалась бы *вся степь*.

Есенберлин. Кочевники. 2, 199.

При заимствовании русской лексемой *степь* казахской семемы «край, территория» в этой лексеме в зависимости от контекста могут актуализироваться различные семы. Это либо совокупное население степи (о чем мы уже говорили), либо некая форма самостоятельной государственности (в ряду: Россия, Кашгария, Джунгария, Китай, Степь).

Контекстом «наводятся» различные семы, самая частотная из них - сема «родина» (иногда и при отсутствии прототипа в оригинале):

- Было это задолго до нас, - начала она. - В очень стародавние времена. В нашу *степь* из страны бедуинов пожаловал могучий лев, и стоило ему попробовать конины, он больше никакого другого мяса есть не пожелал.

Абишев. Отомсти за меня, 72.

Также могут быть «наведены» другие семы: «воинственная, мятежная», «нестабильная», «беспокойная, полная опасностей», «разрозненная, разобщенная», «окраина российской империи», «нецивилизованная» и др. К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют привести примеры на случаи актуализации указанных сем.

Выводы

Таким образом, под влиянием казахского языка лексема *степь* приобретает некоторые семемы, несвойственные ей в русском языке и наличествующие у ее казахского эквивалента *дала*, что позволяет рассматривать подобные случаи употребления лексемы *степь* в текстах русских переводов казахской художественной прозы как семантическую кальку.

К тому же в произведениях русских писателей и поэтов, как бы ни различались они по своей индивидуально-творческой манере, лексема *степь* употреблялась лишь в топографическом смысле, для описания реального пейзажа. А те семемы лексемы *степь*, которые обнаруживаются в переводном тексте, появляются под несомненным влиянием казахского языка.

Список литературы

- 1 Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. - М.: Элпис, 2008. - 495 с.
- 2 Сенько Е.В., Ленчина М.Р. Калькирование в современном русском языке //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 13. Выпуск 11. - Тамбов: Грамота, 2020. - С. 128-133.
- 3 Прямухина С.А. Языковая интеграция посредством калькирования // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: Сборник материалов III Международной научно-

методической онлайн-конференции. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2018. – С. 108-114.

4 Семенова Л.Н. К вопросу о контактной фразеологии: // Проблемы русской филологии: Семантика фразеологических единиц. – Тула, 1975. – С. 109-118.

5 Багана Ж., Трещева Н.В. Явление калькирования в условиях языкового контакта (на материале канадского национального варианта французского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 24 (95). – вып. 8. – С. 99-109.

6 Калинина З.М. Очерки по лексикологии современного литературного пушты. – М.: Наука, 1972. – 143 с.

7 Мотузенко Е.М., Гайдаржи Г.А. Семантические условия калькирования значений // Советская тюркология. – 1986. – № 1. – С. 91-94.

8 Гибало Е.Н. Англо-американские семантические кальки в современном немецком языке: Автореф. дис. канд.-М., 1979.– 24с.

9 Копыленко М.М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности. Семантические и фразеологические кальки // Русская речь. – 1969. – № 5. – С. 96-103.

10 Чемес В. Функционирование литературного языка в иноязычной среде: Автореф. дис. канд. – Киев, 1986. – 24 с.

11 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1976. – 198 б.

12 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 т.). – М.: Русский язык, 1979.

13 Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – Т.14. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1390 стлб.

14 Словарь русского языка в четырех томах. – Т.4. С-Я. – М: Русский язык, 1988. – 800 с.

КӨРКЕМ АУДАРМАДАҒЫ СЕМАНТИКАЛЫҚ КАЛЬКАЛАУ

Мақалада қазақ көркем прозасының аудармаларындағы *степь* лексемасының қолданысына талдау жасалады. Зерттеу барысында мәтіндік талдаулар арқылы бұл сөздің қазақ тіліндегі *дала* лексемасынан жасалатын семантикалық калька екендігі сипатталады.

Лингвистикалық әдебиеттерде калька теориясы, соның ішінде семантикалық калька мәселелеріне қатысты, сондай-ақ, аударма практикасында кең қолданыс тапқан калькалау әдісі туралы да зерттеулер баршылық. Көркем мәтін аудармаларындағы тілдер сабақтастығы туралы да зерттеулер кең орын алған. Дегенмен қазақ көркем прозасының аудармаларындағы орыс тілінің *степь* лексемасының мәртебесі туралы толыққанды зерттеулер кездеспейді.

Мақалада қазақ көркем прозасының орысша аудармаларында *степь* лексемасы қазақ тілінің ықпалымен *дала* сөзінің мағыналық құрылымына енетін семемаларды иемденетіні компоненттік талдау (семемалар мен семаларды талдау) әдісі арқылы анықталады. Сондай-ақ, аудармадағы семантикалық кальканы анықтайтын қосымша факторлар да ажыратылады. Аталған лексеманың сан түрлі семаларының актуализациялануын көрсететін мысалдар келтірілген. Нәтижесінде орыс әдебиетінің классик жазушыларының (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Некрасов, Кольцов, Толстой, Чехов, Бунин, Шолохов т.б.) шығармалары, қазақ көркем прозасының аудармалары, сонымен қатар қазақ халқының өмірі тақырыбында орыс тілінде жазылған шығармалардағы *степь* лексемасының қолданысына қатысты ерекшеліктер сипатталады.

Негізгі сөздер: көркем аударма, қазақ және орыс тілдерінің өзара әрекеті, семантикалық калька.

SEMANTIC CALQUES IN LITERARY TRANSLATION

The article is devoted to the analysis of the use of the lexeme *steppe* in Russian translations of Kazakh literary prose. The purpose of the research is to substantiate the fact that this lexeme in the analyzed texts is a semantic calque of the Kazakh lexeme *dala*.

In the linguistic literature there are many works on the theory of calque, including on such a variety as semantic calque, as well as on calque as one of the methods widely used in translation practice. Separate studies are devoted to the study of the interaction of languages in a literary text. However, there are no studies of the status of the lexeme *steppe* on the material of Russian translations of Kazakh literary prose.

Based on the application of the method of component analysis, it is shown that under the influence of the Kazakh language the lexeme Russian *steppe* in the texts of Russian translations of Kazakh literary prose acquires sememes that are unusual for it, present in the Kazakh lexeme *dala*, the equivalent of which is the lexeme *steppe* in Russian translation. Additional factors are indicated to confirm the fact of semantic calque during translation. Examples of actualization of various semes of the analyzed lexeme are given. The results obtained reveal differences in the use of the lexeme *steppe* in the works of prominent representatives of Russian literature (Pushkin, Gogol, Turgenev, Nekrasov, Koltsov, Tolstoy, Chekhov, Bunin, Sholokhov) and in Russian translations of Kazakh prose, as well as in original Russian-language works into Kazakh subject.

Key words: literary translation, interaction of Kazakh and Russian languages, semantic calques.

References

- 1 Marinova E. V. Inojazychnye slova v russkoj rechi konca HH-nachala HHI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija. - M.: Jelpis, 2008. - 495 s.
- 2 Sen'ko E.V., Lenchina M.R. Kal'kirovanie v sovremennom russkom jazyke //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tom 13. Vypusk 11. - Tambov: Gramota, 2020. - C. 128-133.
- 3 Prjamuhina S.A. Jazykovaja integracija posredstvom kal'kirovanija // Metodika prepodavanija inostrannyh jazykov i RKI: tradicii i innovacii: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj onlajn-konferencii. – Kursk: Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2018. – S. 108-114.
- 4 Semenova L.N. K voprosu o kontaktnoj frazeologii: // Problemy russkoj filologii: Semantika frazeologicheskikh edinic. - Tula, 1975. - S. 109-118.
- 5 Bagana Zh., Treshheva N.V. Javlenie kal'kirovanija v uslovijah jazykovogo kontakta (na materiale kanadskogo nacional'nogo varianta francuzskogo jazyka) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». – 2010. - № 24 (95). – vyp. 8. – S. 99-109.
- 6 Kalinina Z.M. Očerki po leksikologii sovremennogo literaturnogo pushtu. - M.: Nauka, 1972. - 143 s.
- 7 Motuzenko E.M., Gajdarzhi G.A. Semanticheskie uslovija kal'kirovanija znachenij // Sovetskaja tjurkologija. - 1986. - № 1. - S. 91-94.
- 8 Gibalo E.N. Anglo-amerikanskije semanticheskie kal'ki v sovremennom nemeckom jazyke: Avtoref. dis. kand.-M., 1979. – 24s.
- 9 Kopylenko M.M. O grecheskom vlijanii na jazyk drevnerusskoj pis'mennosti. Semanticheskie i frazeologicheskie kal'ki // Russkaja rech'. - 1969. - № 5. - S. 96-103.
- 10 Chemes V. Funkcionirovanie literaturnogo jazyka v inojazyčnoj srede: Avtoref. dis. kand. - Kiev, 1986. - 24 s.
- 11 Kazak tiliniń tysindirme sızdigi. - Almaty: Fylym, 1976. – 198 b.
- 12 Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka (v 4 t.). - M.: Russkij jazyk, 1979.
- 13 Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka v 17 tomah. - T.14. - M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. - 1390 stlb.
- 14 Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah. – T.4. S.-Ja. - M: Russkij jazyk, 1988. - 800 s.

Information about author:

Zharkyn Kenzhebayeva, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Philology of Atyrau University named after Kh.Dosmukhamedov. Scientific interests: paremiology, linguoculturology, interaction of languages in a literary text kenzhebayevazharkyn@gmail.com